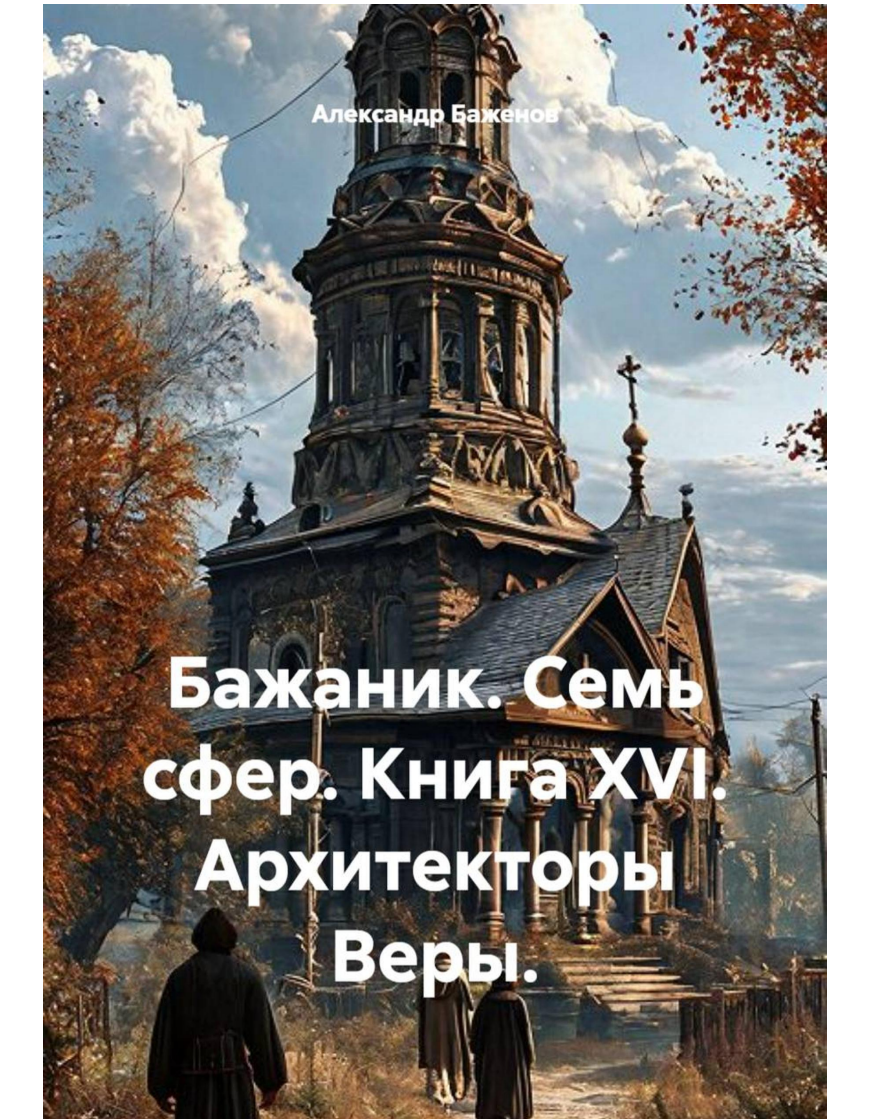

Александр Баженов

**Бажаник. Семь
сфер. Книга XVI.
Архитекторы
Веры.**

Александр Баженов

Бажаник. Семь сфер. Книга

XVI. Архитекторы Веры.

<https://litres.ru/74247679>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Ольховке звонят колокола без звонарей. Бывший священник теряет веру, пациенты ссорятся из-за Бога, а Артём видит семь нитей, натянутых над миром. Одна из них, багровая, дрожит — и эта дрожь отдаётся во всех храмах Земли. Такшака рассказывает о Семи Архонтах Веры — древних сущностях, стоящих за мировыми религиями. Когда-то они несли свет, но один из них пал. Демиург Разделения, бывший самым ревностным, теперь нашёптывает людям: «Только твой путь правилен». Инквизиция, джихад, касты, религиозные войны — всё это его голос.

Артём и Алиса отправляются в путешествие по мирам Веры. Им предстоит пройти семь путей, увидеть свет и тень каждой традиции, разбудить Странника — Дух Единства, изгнанного тысячелетия назад, — и встретиться с самой Тьмой. Потому что исцелить Веру можно только одним способом: перестать делить и начать любить.

Александр Баженов

Бажаник. Семь сфер. Книга XVI.

Архитекторы Веры.

Бажаник. Семь сфер. Книга XVI. Архитекторы Веры

Оглавление

Глава 1. Зов Колокола

Покой после исцеления Времени. Бабушкины часы и странный ритм. Колокола, звонящие без звонарей. Отец Михаил — священник, потерявший веру. Спор учеников о Боге. Сон Артёма: багровая фигура и Странник в пустыне.

О Вере как стихии и трёх её аспектах; о пальце и луне.

Глава 2. Семь Лучей Истины

Большой Совет в Шамбале. Явление семи Архонтов Веры. Ригден Джапо рассказывает о природе Веры и семи путях. Видение падения Демиурга: как ревность об Истине превратилась в одержимость. Решение отправиться в путешествие

по мирам Веры.

О семи лучах, семи сферах и едином Свете; о природе Архонтов.

Глава 3. Индуизм: Танец Шивы

Акаша-Ганга — небесная река. Встреча с Натараджей. Свет: бхакти, йога, ахимса. Тень: касты, ритуал без сердца. Спор брахмана и садху у постели умирающего шудры. Алиса рисует Шиву, танцующего между ними. Дамару — дар первого Архонта. Зажжение первого светильника.

О карме, дхарме и кастах; о Муладхаре как корне всех путей.

Глава 4. Иудаизм: Завет и Закон

Небесный Иерусалим. Встреча с Кетер-Малхутом. Свет: Завет, Тора, пророки, тиккун олам. Тень: закон без сердца, шива по живой дочери. Алиса рисует пустой стул — и стул становится полным. Свиток Торы — дар второго Архонта. Зажжение второго светильника.

О Законе и Сердце; о каббалистическом Древе Жизни; о пророчестве и времени.

Глава 5. Буддизм: Колесо и Пустота

Озеро без ряби. Встреча с Дхармачакрой. Свет: Четыре Благородные Истины, Восьмеричный Путь, сострадание. Тень: пассивность, бегство от мира. Спор старого монаха и молодого. Бодхисаттва на пороге нирваны. Кристалл — дар третьего Архонта. Зажжение третьего светильника.

О Пустоте и Сострадании; о Тонглен и Анахате; о Среднем Пути.

Глава 6. Даосизм и Конфуцианство: Путь и Порядок

Горы в тумане. Встреча с Инь-Яном. Свет: Дао, у-вэй, Ли, гармония. Тень: пассивность и догматизм. Наводнение в долине: даос и конфуцианец спорят, а деревня тонет. Стих Лао-Цзы — дар четвёртого Архонта. Зажжение четвёртого светильника.

О Дао и Ли; о внутренней алхимии и ци; о гармонии и равновесии.

Interlude: Сны Архонтов

Шестеро Светлых Архонтов видят один и тот же сон: Демиург без маски, танец единства, прощение. Каждый просыпается с вопросом: «Неужели это возможно?»

Глава 7. Христианство: Крест и Свет

Галилея. Встреча с Логосом. Свет: Рождество, Нагорная проповедь, Воскресение. Тень: инквизиция, крестовые походы, Марта на костре. Восемь клейм Алисы. Крест Франциска — дар пятого Архонта. Зажжение пятого светильника.

О Логосе и Кресте; об исихазме; о Франциске и тени христианства.

Глава 8. Ислам: Предание и Мир

Пустыня Руб аль-Хали. Встреча с Саламом. Свет: таухид, зикр, суфизм, золотой век. Тень: джихад как война, такфир. Воин и суфий: один Коран — два прочтения. Коврик Руми — дар шестого Архонта. Зажжение шестого светильника.

О Таухиде и предельном монотеизме; о суфизме и вахдат аль-вуджуд; о джихаде и иджтихаде.

Interlude: Письма из Ольховки

Письма учеников: Людмила — о страхе и надежде. Сергей — о музыке как молитве. Георгий — о встрече с проповедником. Михаил — об объятии с мусульманином. Голоса Земли, прорастающие светом.

Глава 9. Седьмой Архонт: Синтез и Ересь

Пустыня Единства. Встреча со Странником. Его изгнание, его усталость, его сомнение: «Может быть, они правы?»

Недостроенный мост. Семь даров, сложенные в круг. Зажжение седьмого светильника — белым светом.

О философии вечного странника; о Сахасраре и единстве; о ереси как пророчестве.

Глава 10. Тёмный Храм: Изнанка Веры

Семь залов: Инквизитор, Фанатик, Кастовый жрец, Законник, Монах, Чиновник. Зеркала, отражающие войны. Встреча с Демиургом. Его спор: «Если все пути равны, зачем искать?» Момент сомнения. Алиса рисует человека на распутии. Демиург берёт её за руку. Храм начинает рушиться — и преображаться.

О природе Демиурга; о парадоксе защиты Истины; о проекции тени.

Глава 11. Суд Света

Суд в Зале Совета. Шесть Архонтов называют свою боль по имени. Логос говорит: «Я прощаю». Странник говорит: «У меня нет условий». Голоса людей: Людмила, Сергей, Георгий, Михаил. Демиург на коленях. Восьмой светильник зажжён.

О прощении и справедливости; о тишине и покаянии.

Глава 12. Разговор с Тьмой

Ядро Тёмного Храма. Голоса жертв: Марта, шудра, отец из Иерусалима, юноша-воин, еретик. Спор Демиурга: «Если все пути равны, это обесценивает веру». Ответ Артёма о горе и тропах. Семь сфер зажигаются. Трон рассыпается. Надписи на стенах меняются.

О покаянии и искуплении; о Маймониде и тишве; о букве и духе.

Глава 13. Исцеление Веры

Всеобщее видение: восемь Архонтов в небе над Землёй. Реакция людей: от узнавания до отрицания. Семя посеяно. Архонты прощаются. Странник и бывший Демиург уходят строить мост. Рисунок Алисы: мост из света с семью пролётами.

О всеобщем откровении; о кинцуги Веры; о горчичном зерне.

Глава 14. Вера как Дар

День Единства в яблонево́м саду. Трапеза за одним столом. Михаил обретает веру — не как священник, а как человек. Рисунок Алисы «Вера»: человек на пороге, и Бог держит его за руку. Радуга над садом. Шестнадцать колец — и семнадцатое, белое.

О пальце и луне — последнее; о вере как доверии; о даре и принятии.

Эпилог. Год спустя

Хоспис Михаила. Дни Единства стали традицией. Мост всё ещё строится. Ученики разъехались, но каждое воскресенье возвращаются. Картина «Единый Свет» висит под дубом. Артём и Алиса на крыльце.

Послесловие автора

Обращение к читателю. Чему мы научились за шестнадцать книг. Почему Вера — это дар, а не оружие. Благодарность.

Послесловие от Алисы

О красоте, рисунке и молитве без слов. О том, как искусство исцеляет.

Словарик терминов шестнадцатой книги

Архонты Веры, Архитекторы, Ахимса, Бодхисаттва, Брахман, Вахдат аль-вуджуд, Вера, Восьмеричный Путь, Демиург, Джихад, Дхарма, Дхармачакра, Завет, Зикр, Иджтихад, Инь-Ян, Исихазм, Ихсан, Йога, Каббала, Карма, Касты, Кетер-Малхут, Коран, Крест, Ли, Лифним ми-шурат хадин, Логос, Махаяна, Натараджа, Нирвана, Религия, Салам,

Странник, Сутра Сердца, Суфизм, Таклид, Такфир, Таухид, Тиккун олам, Тонглен, Тора, Тшува, У-вэй, Умма, Хинаяна, Храм (Тёмный), Шахада, Шуньята, Эмуна, Ян.

Предисловие автора

Дорогой читатель!

Когда-то давно, в самом начале этого пути, я и представить не мог, что он приведёт нас сюда — к порогу самой глубокой и противоречивой из всех сил, движущих человечеством. Тогда, в первой книге, я только учился пробуждать сферы. Теперь, шестнадцать книг спустя, мы стоим перед Верой — не как перед абстрактной идеей, а как перед живой реальностью, у которой есть свои Хранители, свои Архитекторы и свои тени.

Эта книга — о религиях. О семи великих традициях, которые вели человечество к Свету на протяжении тысячелетий. Индуизм — древнейший корень. Иудаизм — завет и закон. Буддизм — путь освобождения. Даосизм и конфуцианство — гармония с Дао и порядок ритуала. Христианство — любовь, ставшая плотью. Ислам — предание себя Богу. И над всем этим — Дух Единства, Странник, который говорил на всех языках одну истину: «Бог един, и путей к Нему много».

Но эта книга — и о тени. О том, как свет искажается, проходя через призму человеческой гордыни. Как любовь к Истине превращается в одержимость своей правотой. Как вера,

призванная соединять, становится оружием разделения. Инквизиция и джихад, касты и проклятия, религиозные войны и нетерпимость — всё это тень, которую отбрасывает свет, когда человек ставит между собой и Источником своё эго.

«Всему своё время, — говорил Экклезиаст. — Время разбрасывать камни и время собирать камни. Время войне и время миру». Сейчас — время собирать камни. Время, когда Архонты Веры должны встретиться со своей тенью. Время, когда Демиург Разделения должен вспомнить, кем он был до падения. Время, когда мы все должны понять: не важно, как мы называем Бога. Важно, делает ли нас наша вера добрее. Ко всем. Без исключений.

В эзотерических традициях Вера считается одной из высших сил. В индуизме — это шраддха, доверие, без которого невозможно познание. В буддизме — это одна из пяти способностей, ведущих к просветлению. В христианстве — это дар Святого Духа. В исламе — это иман, без которого дела мертвы. В иудаизме — это эмуна, верность Завету. Во всех традициях Вера — это не знание. Это доверие. Доверие тому, что тебя держат за руку. Даже когда ты этого не чувствуешь.

Я писал эту книгу для тех, кто когда-либо сомневался. Для тех, кто терял веру и боялся, что никогда не найдёт её снова. Для тех, кто ищет — не обязательно в религии, но в жизни. Для всех нас. Потому что каждый из нас — немного Демиург. Каждый из нас когда-то считал себя правым и

осуждал других. Но эта книга — не об осуждении. Она — о надежде. О том, что даже самая глубокая тень может стать светом. О том, что мосты между традициями можно построить. О том, что Вера — это не оружие. Это дар.

Добро пожаловать в миры Веры. Добро пожаловать в путешествие, которое изменит не только Архонтов, но и нас самих. Добро пожаловать домой.

С любовью,

Артём

Предисловие от Алисы

Дорогой читатель!

Артём написал мудрые слова, как всегда. А я хочу добавить несколько слов от художницы. О красоте. О рисунке. О том, как искусство может быть молитвой.

Когда мы идём через миры Веры, я рисую. Не для того, чтобы запечатлеть увиденное, — хотя и для этого тоже. А для того, чтобы понять. Когда я рисую Шиву, я становлюсь частью его танца. Когда я рисую Тору, буквы начинают светиться. Когда я рисую Бодхисаттву, я чувствую, как он оборачивается на пороге нирваны — и выбирает любовь.

Рисунок — это мой способ говорить с Богом. Без слов. Без догм. Без посредников. Просто — свет на бумаге. И я верю, что у каждого из вас есть свой способ. Не обязательно-

но рисовать. Можно петь, как Сергей. Можно печь хлеб, как Вера и Екатерина. Можно лечить, как Артём. Можно просто быть рядом с теми, кому больно. Всё это — молитва. Всё это — вера.

Эта книга — о том, что красота может исцелять. Что искусство может строить мосты. Что свет, запечатлённый на холсте, остаётся там навсегда — и продолжает светить даже тогда, когда художник уже ушёл.

Добро пожаловать в путешествие. Берите с собой альбом и пастель. Или гитару. Или просто открытое сердце. Этого достаточно.

С любовью,

Алиса

Глава 1. Зов Колокола

Река времени не терпит запруд. Но река веры течёт иначе: она может уйти под землю, скрыться в песках, замёрзнуть — и всё же пробиться снова. Только вот пробивается она порой не родником, а наводнением.

Из домашних записей бабушки Артёма

Сентябрь пришёл в Ольховку запахом антоновских яблок и дымом сожжённой ботвы. Сад стоял в золоте и багрянце, и

по утрам трава была седой от инея — первого в этом году. Я любил это время. В нём чувствовалась зрелость, завершённость, тихая мудрость прожитого года.

После исцеления Времени и возвращения Септимуса в круг Хранителей прошло пять месяцев. Жизнь в Ольховке текла ровно, как и положено течь жизни, когда её не лихорадит ни стихийными бедствиями, ни временными разломами. Часы на каминной полке исправно отмеряли секунды — слева направо, как им и положено. Рисунки Алисы оставались такими же, как вчера. Пациенты приходили и уходили, и среди них больше не было тех, кто помнит будущее или живёт две жизни одновременно.

Но покой — странная вещь. Бабушка говорила: «Покой — это не когда ничего не происходит. Это когда ты готов ко всему, что происходит». И, наверное, поэтому, когда сентябрьским утром я проснулся с ощущением тревоги, я не удивился. Просто отметил: «Начинается».

— Тоже чувствуешь? — спросила Алиса, не открывая глаз.

Она лежала рядом, и её рука, как всегда по утрам, покоилась на моей груди — там, где пульсировала Анахата, сердечная сфера. Я накрыл её ладонь своей. Её пальцы были тёплыми, но я чувствовал лёгкую дрожь — ту самую, что появлялась у неё в моменты предчувствия.

— Да. Но не могу понять, что именно. Не стихии. Не время.

— Вера, — прошептала она и открыла глаза. — Что-то с Верой.

— С чьей верой?

— Со всеми. Сразу.

Я закрыл глаза и активировал Аджну. Синяя сфера между бровей раскрылась, и мир предстал передо мной в своей энергетической структуре. Стихии были спокойны: красная Земля, оранжевая Вода, жёлтый Огонь, зелёный и голубой Воздух, синий Эфир, фиолетовый Свет — всё текло ровно, без турбулентностей. Время тоже было цело, и золотые нити кинцуги, вплетённые в его ткань, сияли мягко и умиротворённо.

Но появилось что-то новое. Семь тонких нитей — не стихийных, не временных — тянулись от земли к невидимому источнику. Они были натянуты, как струны, и дрожали. Каждая нить резонировала с определённой сферой — я чувствовал это отчётливо. Первая, красная, пульсировала в такт Муладхаре. Вторая, оранжевая, вибрировала на частоте Свадхистханы. Третья, жёлтая — Манипура. Четвёртая, зелёная — Анахата. Пятая, голубая — Вишудха. Шестая, синяя — Аджна. Седьмая, фиолетовая — Сахасрара.

Но одна из них — крайняя справа, багровая, соответствующая Сахасраре, связи с Высшим, — была темнее остальных. Не чёрной — скорее, цвета запёкшейся крови. И она гудела. Гул был низким, почти инфразвуковым, и от него вибрировала не только Сахасрара, но и Муладхара — самая пер-

вая, самая земная из сфер. Как будто болезнь на вершине отдавалась болью в корне.

— Семь религий, — прошептал я. — Или семь сил, которые стоят за ними. И одна из них больна. Или пробудилась. Или и то, и другое.

Мы спустились в кухню. Солнце только-только поднялось над яблонями, и его лучи, проходя сквозь осеннюю листву, окрашивали комнату в тёплый янтарный цвет. Я по привычке завёл бабушкины часы — хотя они и так шли исправно, — и вдруг заметил, что маятник качается неровно. Не в обратную сторону, как тогда, в апреле, а с каким-то дополнительным, едва заметным толчком, как будто к нему добавили ещё один, параллельный ритм.

— Слышишь? — спросила Алиса.

— Что?

— Колокол. Где-то далеко.

Я прислушался. Сначала ничего не было — только ветер в листве да далёкий лай собаки. Но потом, краем уха, я уловил низкий, густой звон. Он шёл не извне — скорее, изнутри. Как будто колокол звонил не в воздухе, а прямо в сознании.

— Это не обычный колокол, — сказал я. — Это...

— Зов, — закончила Алиса. — Только я не знаю, куда зовут. И кто.

Мы вышли из дома. Утро было холодным, и пар от дыхания смешивался с туманом, стелившимся над землёй. Я направился к старой церкви на окраине Ольховки — туда, где

когда-то служили ещё при бабушке, а теперь церковь стояла закрытой, ожидая редких приездов священника из соседнего села.

Дверь была приоткрыта. Внутри — пустота, полумрак, запах старого ладана и воска. И звон. Здесь он звучал громче — низкий, вибрирующий, наполняющий всё пространство. Колокола на звоннице молчали — я проверил, выйдя во двор и задрав голову. Но звон продолжался.

— Они звонят без звонарей, — прошептала Алиса. — Как тогда, с часами.

— Нет, — ответил я, активируя Аджну. — Иначе. Часы шли вспять, потому что время было ранено. А это... это не рана. Это крик. Крик самой Веры.

В воздухе над алтарём я увидел ту самую багровую нить. Она входила прямо в церковный купол и дрожала так сильно, что, казалось, вот-вот лопнет. И от неё расходились волны — невидимые глазу, но ощутимые сердцем. Каждая волна была как беззвучный колокольный удар.

— Кто-то зовёт на помощь, — сказала Алиса. — Не Бог. Не люди. Что-то между ними.

— Архонт, — произнёс я. Слово вырвалось само, из глубин памяти — не моей, может быть, родовой, коллективной, той, что хранится в Муладхаре каждого человека. — Архитектор Веры.

В тот же день, ближе к полудню, в Ольховку пришёл новый пациент. Он не записывался заранее, не звонил — про-

сто появился у калитки, высокий, сутулый человек в потёртом пальто, с седой бородой и глазами, в которых плескалась такая глубокая усталость, какая бывает только у тех, кто долго нёс непосильную ношу — и вдруг уронил её.

— Вы Артём? — спросил он. Голос у него был низкий, с хрипотцой, как у человека, который много проповедовал в сырых церквях.

— Да. А вы?

— Отец Михаил. То есть... — Он осёкся и поправил себя: — Просто Михаил. Уже не отец. Уже никто.

Я провёл его в дом. Он сел на стул — тот самый, где до него сидели сотни пациентов, — и долго молчал, глядя в окно. Алиса налила ему чаю с ромашкой — она всегда заваривала ромашку для тех, кто приходил с болью, — и он взял чашку обеими руками, как будто греясь о неё.

— Я служил в церкви тридцать лет, — заговорил он наконец. — В маленьком приходе, в соседней области. Небольшой храм, три деревни, человек двести постоянных прихожан. Я крестил, венчал, отпевал, исповедовал. Всё как положено.

— Что случилось? — спросила Алиса.

— Мальчик, — ответил он, и его голос дрогнул. — Год назад. Семи лет. Рак. Родители пришли ко мне, просили молиться. Я молился. Каждый день. Постился. Служил молебны. Я обещал им, что Бог услышит, что чудо возможно. А мальчик умер. И когда он умер, его мать посмотрела на меня

— не со злобой, нет. С пустотой. Она сказала: «Где был твой Бог, отец Михаил?»

Он замолчал. Алиса не прерывала молчания — она знала, что иногда тишина лечит лучше слов.

— И я не нашёлся, что ответить, — продолжил он. — Все слова, которые я говорил тридцать лет, — «Бог дал, Бог взял», «пути Господни неисповедимы», «он теперь в раю» — показались мне пустыми. Я смотрел на эту женщину и не мог произнести ни слова. Потому что сам больше не верил в то, что хотел сказать.

— И вы ушли?

— Не сразу. Ещё полгода служил. Механически. Как робот. Крестил, венчал, отпевал. Но внутри была пустыня. А потом, месяц назад, я проснулся и понял: не могу. Просто не могу больше. Снял рясу, сложил в чемодан, написал прошение и ушёл. Тридцать лет — и ничего. Пустота.

Он поднял глаза, и я увидел в них то, что видел у многих пациентов: не отсутствие веры, а рану. Веру не потеряли — её вырвали.

— А колокола? — спросила Алиса. — Вы слышите колокола?

Отец Михаил вздрогнул.

— Откуда вы знаете?

— Мы тоже слышим.

— Я слышу их уже месяц, — прошептал он. — Каждую ночь. Все колокола мира — в церквях, в мечетях, в буддий-

ских храмах, даже в синагогах, где вообще нет колоколов. Они звонят. Без звонарей. Сами. Я думал, схожу с ума.

— Не сходите, — сказал я. — Это не безумие. Это симптом.

Я закрыл глаза и активировал Аджну. Теперь я смотрел не на мир — я смотрел на отца Михаила. И увидел то, чего не ожидал: его вера действительно ушла, но на её месте не было пустоты. Там была рана — тонкая, кровоточащая, багровая, похожая на ту трещину во Времени, которую мы исцеляли несколько месяцев назад. И от этой раны тянулась нить — та самая, багровая, дрожащая, уходящая куда-то вверх, за пределы видимого.

— Ваша вера не умерла, — сказал я. — Она ранена. Кем-то или чем-то. Как будто кто-то вырвал её — не естественным путём, а насильно.

— Но кто может вырвать веру? — прошептал он. — Это же не зуб. Это... душа.

— Тот, кто стоит за верой, — ответил я. — Или за её искажением.

О Вере как стихии и трёх её аспектах

Что есть вера? Не религия, не конфессия, не свод догматов — а сама способность человека доверять невидимому? Древние различали три аспекта веры. Первый — «эмуна» на иврите, «шраддха» на санскрите: глубинное доверие, связь с Божественным, которая не зависит от обстоятельств. Это вера Иова, который говорил: «Вот, Он убивает меня, но я

буду надеяться». Второй — «пистис» на греческом: убеждение, доктрина, исповедание. Это вера апостола Павла, который проповедовал Воскресение. Третий — «религио» на латыни: связь, общность, принадлежность к традиции. Это вера прихожанина, который ходит в храм, потому что так делали его предки.

Все три нужны. Доверие без убеждения — бесформенно. Убеждение без принадлежности — одиноко. Принадлежность без доверия — мертва. Беда начинается тогда, когда одно подменяет другое. Когда принадлежность к «правильной» группе становится важнее живых отношений с Богом. Когда убеждение превращается в догму. Когда доверие без различения становится легковерием.

«Религия — это палец, указывающий на луну, — говорил Будда. — Не путайте палец с луной». Но именно это человечество делало снова и снова — путало палец с луной, храм с Богом, ритуал с верой. И сейчас, в Ольховке, отец Михаил стал жертвой этой путаницы. Его палец сломался — а луну он перестал видеть. Но луна никуда не делась.

Вечером мы собрали совет под старым дубом. Пришли Такшака, Адитья, Синга. Пришли Архитектор и Маара. Пришли Эринии. Пришла Чхая. Пришли ученики — Людмила, Сергей, Анна, Екатерина, Вера, Георгий. Отец Михаил сидел в стороне, всё ещё чувствуя себя чужим.

Я рассказал о семи нитях, о багровой дрожи, об отце Михаиле и колоколах без звонарей.

Такшака, как всегда, слушал молча, перебирая пальцами кольца на хвосте. Когда я закончил, он поднял голову, и его вертикальные зрачки сузились.

— Семь Архонтов Веры, — произнёс он. — Я надеялся, что никогда не услышу этого имени вновь.

— Ты знаешь о них?

— Больше, чем хотел бы. Когда-то, тысячи лет назад, когда мир был юн, а Наги только начинали хранить Врата, я встречал одного из них. Это был Натараджа, Танцующий Шива — Архонт индуизма. Он танцевал свой танец на заре времён, и его танец был прекрасен — разрушение и созидание, смерть и рождение, всё в одном круговороте. Но даже тогда я чувствовал в нём двойственность: как будто в его танце боролись два начала. Одно — освобождающее. Другое — порабощающее.

— Что ты хочешь сказать?

— Что Архонты — не добрые и не злые. Они — как сферы: могут быть пробуждены к свету, а могут быть искажены. Каждая религия несёт в себе зерно освобождения — и зерно рабства. И от того, какое зерно прорастёт, зависит судьба целых цивилизаций.

Тут заговорила Людмила — тихо, как всегда, но в её голосе звучала сталь:

— Я знаю эту рану. Я выросла в верующей семье. Моя бабка каждое воскресенье ходила в церковь, ставила свечи, молилась. И дома у неё был красный угол — с иконами, с

лампадкой. Но когда моя мать заболела, священник сказал: «Это Божья кара. Молись и терпи». Мать терпела — и умерла. А бабка после этого не перестала верить, но что-то в ней сломалось. Она больше никогда не улыбалась.

Сергей, сидевший рядом с гитарой, добавил с неожиданной резкостью:

— А я вообще атеист. Или был им. Когда я весил сто пятьдесят кило и думал, что подыхаю, я проклинал Бога. В которого не верил. А потом пришёл к вам и понял: Бог тут ни при чём. Дело было во мне. Но я до сих пор не знаю, есть ли Бог. И если есть — зачем Ему всё это? Зачем Ему рак у детей, войны, инквизиция?

— Может, это не Его рук дело? — тихо сказал Георгий.
— Может, это мы сами?

Он помолчал и добавил:

— Я из мусульманской семьи. Мой дед был муллой. Он учил меня: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммад — пророк его». Я повторял эти слова каждый день. А потом, когда я заболел — бессонница, панические атаки, — дед сказал: «Молись, и пройдёт». Не прошло. Я молился пять раз в день — и всё равно не мог спать. И тогда я возненавидел молитву. И Бога заодно.

— А теперь? — спросила Алиса.

— Теперь не знаю. Но когда вы лечили меня — вот этими руками, без молитв, без обрядов, — мне стало легче. Значит ли это, что Бог говорил через вас? Или что Бог вообще не

нужен, а нужна просто человеческая доброта?

Повисла тишина. Потом Сергей повернулся к Георгию:

— Слушай, а вот ты говоришь — «нет Бога, кроме Аллаха». А моя бабушка говорила: «Господи Иисусе, помилуй». А буддисты вообще про Бога не говорят — они про просветление. И кто из нас прав?

— Может, все? — осторожно сказала Анна. — Может, Бог такой большой, что вмещает все имена?

— Не говори ерунды, — отрезал Сергей. — Если Бог один, то и путь к Нему должен быть один. Иначе это просто... ярмарка. Выбирай на вкус.

— А почему нет? — возразила Вера. — Почему Бог не мог открыться разным народам по-разному? Как солнце — оно одно, но в Индии оно светит иначе, чем в Сибири.

— Потому что тогда непонятно, где истина! — Сергей уже почти кричал. — Если все правы, то никто не прав!

— Тихо, — сказал я. Не громко, но так, что все замолчали. — Вы сейчас спорите о том же, о чём спорят люди уже тысячи лет. И этот спор — часть болезни. Той самой, от которой дрожит багровая нить. Вы чувствуете, что сейчас произошло? Только что вы были семьёй. А стали — противниками. Разделение. Оно проникает даже сюда.

Сергей отвёл глаза. Георгий вздохнул.

— Прости, — сказал он Сергею. — Я не хотел.

— Я тоже, — буркнул Сергей. — Просто... накалило.

Я видел, что эта вспышка не случайна. Багровая нить дро-

жала, и её дрожь отдавалась в сердцах людей — здесь, в Ольховке, и везде в мире. Разделение нарастало.

— «Есть три вида веры, — процитировала Алиса, пытаюсь разрядить обстановку. — Вера-доверие, вера-убеждение и вера-принадлежность. Первая — это отношения с Богом. Вторая — картина мира. Третья — билет в сообщество. И когда третью путают с первой, случается беда».

Она посмотрела на меня.

— Нет, — я покачал головой. — Бабушка сказала бы проще: «Бог — не в церкви. Бог — в сердце. А церковь — это просто дом, где сердца собираются вместе. Если сердца пусты, то и дом пуст, сколько бы золота ни было на куполах».

В ту ночь мне приснился сон.

Я стоял в огромном зале без стен и без потолка — но это был не Хронос. Зал был заполнен людьми. Тысячами, миллионами. Они стояли плечом к плечу, но не соприкасались — между ними были невидимые стены. Индуисты с одной стороны, христиане с другой, мусульмане с третьей. Все смотрели в одну точку — туда, где на возвышении стояли семь фигур. Одна из них — крайняя справа — была тёмной. Не чёрной — багровой, как запёкшаяся кровь.

Фигуры говорили, но я не слышал слов. Я слышал только гул — тот самый, что вибрировал в Сахасраре и отдавался в Муладхаре. И вдруг земля под ногами треснула. Трещина прошла точно по линиям, разделявшим толпу: индуисты — отдельно, христиане — отдельно, мусульмане — отдельно.

Люди закричали, но не могли перешагнуть через трещины — как будто невидимая сила держала их на местах.

Багровая фигура повернулась ко мне. У неё не было лица. Вернее, лицо было, но оно постоянно менялось. То инквизитор в капюшоне. То фанатик с горящими глазами. То догматик с книгой в руке. То кастовый жрец с жезлом. То раввин с суровым лицом. То монах, отвернувшийся от мира. То чиновник, зачитывающий приговор.

И голос — многоголосый, как у Септимуса до исцеления, только не страдающий, а торжествующий — произнёс:

— Ты думаешь, вера — это свет? Вера — это оружие. И я тот, кто его куёт. Я — тот, кто отделяет праведных от еретиков. Я — тот, кто даёт людям уверенность, что они правы. А ты — ты хочешь отнять у них эту уверенность. Ты хочешь сказать, что все пути равны? Это ложь! Истина одна, и я — её страж!

За его спиной, в глубине зала, я увидел ещё одну фигуру. Она была едва различима — не тёмная, не светлая, а прозрачная, как тень на закате. Странник в потёртом плаще, с посохом в руке. Он смотрел на меня — и молчал. Но в его молчании было больше слов, чем в крике багровой фигуры.

— Кто ты? — спросил я его беззвучно.

— Тот, кого изгнали, — ответил он так же беззвучно. — Тот, кто говорил о единстве. Найди меня. Я жду.

Я проснулся в холодном поту. Алиса уже не спала. Она сидела на кровати, и в её глазах был тот самый огонь, кото-

рый я видел, когда она собиралась создавать нечто великое.

— Я знаю, кто это, — сказала она. — Вернее, что это. Это не один Архонт. Это Тёмная сторона всех Архонтов сразу. Они объединились. Или кто-то объединил их.

— Демиург, — прошептал я. — Демиург Разделения.

— И ещё я видела Странника. Он в пустыне. Ждёт.

— Я тоже его видел.

Я встал и подошёл к окну. Над садом занимался рассвет. Золотой, тихий, полный обещания. Но я видел — не Аджиной, а сердцем, — как над этим рассветом натянуты семь нитей. И одна из них, багровая, дрожит. И от этой дрожи расходятся волны. И эти волны достигают земли — колокольным звоном без звонарей, спорами без слушающих, войнами без победителей.

В соседней комнате отец Михаил, которому мы постелили на ночь, метался во сне и что-то шептал.

— «Блаженны миротворцы, — процитировал я, глядя на рассвет. — Ибо они будут наречены сынами Божиими».

— Нагорная проповедь, — кивнула Алиса, подходя и кладя голову мне на плечо. — Но кто-то должен быть миротворцем. И, кажется, на этот раз это мы.

— Не в первый раз.

— Но, может быть, в самый трудный.

Она помолчала.

— Знаешь, что я вспомнила? Как мы встретились. Парк «Сокольники». Ты подошёл и сказал про ауру. Я подумала:

«Странный тип». А потом ты сказал: «Я вижу свет». И я поверила. Не в Бога — в тебя. В то, что ты действительно видишь свет. Может быть, это и есть вера? Доверие к тому, кто видит свет, когда ты сам не видишь?

— Может быть, — ответил я. — «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом». Апостол Павел.

— Да. Осуществление ожидаемого. Мы ожидаем, что свет победит. И он побеждает. Не потому, что мы сильны. А потому, что мы доверяем.

Она взяла меня за руку, и мы стояли у окна, глядя, как солнце поднимается над яблонями. А где-то далеко — в храмах, мечетях, синагогах, пагодах — звонили колокола без звонарей. И мир, сам того не зная, стоял на пороге войны. Войны Веры.

Колокол звонит не для того, чтобы разбудить спящих. Он звонит для того, чтобы напомнить бодрствующим: время молитвы ещё не прошло. Даже если ты забыл слова. Даже если ты забыл, кому молишься.

Глава 2. Семь Лучей Истины

Семь нот держат симфонию мироздания. Семь цветов составляют белый свет. Семь путей ведут к одной вершине — но горе тому, кто, стоя на своём пути, кричит идущему соседней тропой: «Ты заблудился!» Ибо крик этот заглушает голос Бога, который тихо звучит на каждой тропе.

Седьмой Архонт, Странник, из беседы у костра

Утро после совета выдалось холодным и ясным. Октябрь в Ольховке — время первых заморозков и последних яблок, время, когда сад готовится ко сну, а дом — к долгой зиме. Но нам с Алисой было не до зимних приготовлений. Семь нитей, натянутых над миром, дрожали всё сильнее, и багровая — крайняя справа — гудела так, что я чувствовал её даже без Аджны, просто стоя на крыльце с чашкой остывшего чая.

Отец Михаил ушёл на рассвете — не попрощавшись, оставив только записку: «Спасибо. Я ещё не знаю, во что верю. Но я перестал бояться не верить». Его рана всё ещё кровоточила, но в ней уже теплился свет — слабый, как огонёк свечи на сквозняке, но живой.

— Нужно собирать Большой Совет, — сказала Алиса. — Всех. Не только наших — и Хранителей Времени, и Хранителей Стихий, и Ригдена Джапо.

— Ты права. Но не здесь. В Шамбале. Там, где пересекаются все пути.

Мы позвали Такшаку. Он пришёл не один — с ним был Ригден Джапо, чьё серебристое отражение мерцало в утреннем свете, как луна, забывшая уйти с рассветного неба. Адитья спустился с неба на золотых крыльях, и рядом с ним, полупрозрачная, как воспоминание, парила Майя — Киннара с глазами цвета утреннего неба. Чхая скользнула из Набха-локи. Архитектор и Маара вышли из сферы сна, держась за ру-

ки. Синга, лунный лев, возник из тени старого дуба и, как всегда, лёг у ног Алисы. Эринии — София, Элеос и Элпис — появились из радуги, возникшей над садом. Мы оставили учеников в Ольховке — с наказом следить за колоколами, заботиться об отце Михаиле и записывать всё необычное, — и шагнули в портал, ведущий в Зал Совета.

Шамбала встретила нас тишиной. Не мёртвой — живой, наполненной, как тишина перед симфонией. Зал Совета был огромен: нефритовые колонны уходили ввысь, теряясь в золотистом тумане, а пол под ногами переливался мозаикой, изображающей Древо Жизни — с семьёю корнями, семьёю стволами и единой кроной. В центре зала, на возвышении, стояли семь кристаллов — по числу сфер. Но сегодня к ним добавилось ещё кое-что: семь светильников, расположенных кругом. Пять из них горели ровным золотым светом. Шестой мерцал тревожно, как свеча на сквозняке. Седьмой, крайний справа, был тёмн — но не погашен. Скорее, притушен. Как будто кто-то накрыл его ладонью.

— Семь светильников, — произнёс Ригден Джапо. Его голос звучал, как эхо в горном ущелье, — глубоко и протяжно. — Семь путей. Семь религий, которые вели человечество к Свету. И один из них гаснет.

— Вернее, его гасят, — добавил Такшака.

— Кто?

Ригден Джапо помолчал, и его серебристое отражение заколебалось, как вода в чаше.

— Вы уже встречались с Хранителями — Времени и Стихий. Вы знаете, что за каждой гранью мироздания стоит сила, которая её оберегает. Но есть сила древнее Хранителей. Сила, которая появилась тогда, когда человек впервые поднял глаза к небу и спросил: «Кто я? Зачем я здесь? Кто создал всё это?» Это были Архитекторы Веры. Семеро.

Он простёр руку, и над светильниками возникли образы. Я увидел их — впервые в жизни, но с ощущением, что знал всегда.

Первый Архонт — **Натараджа, Танцующий Шива**. Его тело извивалось в космическом танце, и в каждой руке был символ: барабанчик созидания и пламя разрушения, жест защиты и жест освобождения. Вокруг него клубились миры, рождаясь и умирая в такт его движениям. От него исходил запах сандала и ритм дамару — тот самый, что пульсирует в Муладхаре, корневой сфере.

Второй Архонт — **Кетер-Малхут, Корона Царства**. Он был подобен дереву, укоренённому в земле и уходящему кроной в небо. Его одеяние было расшито письменами — не буквами, а смыслами, и каждый смысл сиял, как звезда. В одной руке он держал свиток Завета, в другой — светильник Субботы. От него пахло старым пергаментом, вином для кидуша и воском субботних свечей.

Третий Архонт — **Дхармачакра, Колесо Учения**. Он восседал в позе лотоса, и над его головой вращалось колесо с восемью спицами — Восьмеричный Благородный Путь.

Его лицо было спокойным, как гладь горного озера, а глаза — полузакрыты, обращены внутрь. От него исходило ощущение глубочайшего покоя и запах ладана.

Четвёртый Архонт — **Инь-Ян, Гармония Противоположностей**. Он был двуликим: одно лицо смотрело влево, другое — вправо, но оба улыбались. Вокруг него кружились символы — триграммы И-Цзин, дракон и феникс, чаша и меч. Он не стоял на месте — он танцевал, но его танец был медленным, как течение реки, и в нём чувствовалась та же текучесть, что и в Свадхистхане.

Пятый Архонт — **Логос, Слово, ставшее плотью**. Он был самым человеческим из всех. Его глаза были полны любви и боли одновременно, а на ладонях сияли стигматы — не раны, а источники света. Вокруг него звучали слова Нагорной проповеди — не голосом, а самой тишиной. От него веяло теплом Анахаты, сердечной сферы.

Шестой Архонт — **Салам, Мир**. Он был подобен каллиграфической надписи, ожившей и обретшей форму. Его тело было соткано из букв — арабской вязи, которая складывалась в слова: «Мир», «Милость», «Предание». От него исходило ровное, спокойное сияние, как от пустыни на закате, и его энергия резонировала с Вишудхой, горловой сферой.

И седьмой образ — **Странник**. Он не был похож на остальных. У него не было ни сияния, ни символов, ни жезла. Просто человек в потёртом плаще, с посохом в руке. Но глаза его — я не мог отвести взгляд. В них была вся мудрость

всех традиций сразу, и ещё — бесконечная, глубокая печаль. Его энергия вибрировала на частоте Сахасары — той самой сферы, что связывает с Высшим.

— Седьмой Архонт, — прошептал я. — Тот, кого изгнали.

— Да, — ответил Ригден Джапо. — Он — Дух Единства. Он не создавал отдельной религии. Он всегда приходил как гость — к одним как Руми, к другим как Майстер Экхарт, к третьим как Рамакришна. Он говорил на всех языках одну истину: «Бог един, и путей к Нему много». За это его возненавидели.

— Кто?

— Те, кто хотел, чтобы путь был только один. Их путь.

О семи лучах, семи сферах и едином Свете

В древних мистериях говорилось: «Истина едина, но мудрые называют её разными именами». Эта фраза из Ригведы — древнейшего священного текста человечества — могла бы стать эпитафией ко всей истории религий. Но вместо неё эпитафией часто становился другой стих: «Я Господь, Бог твой... Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим». Так начался долгий путь разделения — путь, на котором ревность о Боге превращалась в ревность о своей правоте.

Семь религий подобны семи лучам света, проходящим через призму семи сфер. Индуизм — луч Муладхары, корень, древнейшая связь с землёй и телом. Иудаизм — луч Манипуры, воля, закон, завет. Буддизм — луч Аджны, прозрение,

выход за пределы ума. Даосизм и конфуцианство — лучи Свадхистханы и Анахаты, поток эмоций и порядок сердца. Христианство — луч Анахаты, любовь, ставшая плотью. Ислам — луч Вишудхи, голос, слово, предание себя. И синтез — луч Сахасары, единство, превосходящее все различия.

Каждый луч несёт в себе уникальный дар. Но каждый же может быть искажён. Индуизм — кастовым неравенством. Иудаизм — национальной замкнутостью. Буддизм — уходом от мира в бесстрастие. Даосизм — пассивностью перед злом. Конфуцианство — догматизмом ритуала. Христианство — инквизицией. Ислам — фанатизмом. Все эти искажения — не от Бога. Это тени, которые отбрасывает свет, когда человек ставит между собой и Источником свою гордыню.

— Но почему сейчас? — спросила Алиса. — Почему именно в это время один из Архонтов начал гаснуть?

Ригден Джапо сложил руки на посохе.

— Вы исцелили Стихии. Вы исцелили Время. Восстановилось равновесие, которое держалось тысячелетиями. Но равновесие — вещь хрупкая. Когда вы убрали одни искажения, наружу вышли другие — более глубокие, более древние. Те, что были скрыты под слоями стихийных и временных бурь. Теперь обнажилась рана Веры. И тот, кто хочет, чтобы эта рана никогда не затянулась, — активизировался.

— Демиург Разделения, — произнёс я.

— Ты уже знаешь его имя. Это хорошо. Но знать имя — мало. Нужно понять его природу.

Ригден Джапо взмахнул рукой, и над тёмным светильником возник новый образ — нечёткий, колеблющийся, как мираж в пустыне. Я вгляделся — и отшатнулся. Это был не монстр. Это был... Архонт. Такой же, как остальные, но искажённый. Как будто его свет прошёл сквозь кривое зеркало и стал тёмным, но не погас.

— Демиург — не демон, — сказал Ригден Джапо. — Он — падший Архонт. Когда-то он был самым ревностным из семи. Он любил Истину так сильно, что не мог допустить, чтобы кто-то видел её иначе, чем он. Его ревность превратилась в одержимость. Его любовь — в ненависть к тем, кто, как ему казалось, «искажает» истину.

— Как это случилось? — спросила Алиса. — Был какой-то момент, когда он перешёл черту?

Ригден Джапо помолчал, и его серебристое отражение заколебалось сильнее.

— Да. Я покажу вам.

Над светильниками возникла новая картина — не символ, а сцена, живая, дышащая. Зал Совета, такой же, как сейчас, но моложе. Семь Архонтов стоят в кругу. Они обсуждают что-то — спорят, но без вражды. И вдруг один из них — высокий, с горящими глазами, — выходит в центр.

«Я не могу больше, — говорит он. — Я вижу, как люди искажают наши учения. Индуисты спорят о кастах, вместо того чтобы видеть единство Атмана. Иудеи спорят о субботе, вместо того чтобы любить ближнего. Буддисты спорят о

текстах, вместо того чтобы медитировать. Даосы спорят о ритуалах, вместо того чтобы следовать Дао. Христиане спорят о Троице, вместо того чтобы любить друг друга. Мусульмане спорят о халифате, вместо того чтобы предаться Аллаху. Они все искажают! Истина одна, а они раздробили её на тысячи осколков!»

«И что ты предлагаешь?» — спрашивает Логос.

«Я предлагаю навести порядок. Пусть будет один путь. Одна истина. Одно учение. Все остальные — ложны. Всех, кто учит иначе, нужно остановить».

«Но это насилие, — говорит Салам. — Вера не принимается насильно».

«Вера без защиты — умирает! — восклицает он. — Если мы не защитим Истину, её уничтожат!»

«Ты говоришь о защите, — тихо произносит Странник. — Но твои слова пахнут войной. Ты хочешь не защитить Истину. Ты хочешь навязать своё понимание Истины всем остальным».

«А ты кто такой? — резко поворачивается к нему будущий Демиург. — У тебя даже нет своей традиции! Ты — перекати-поле, странник без дома и без корней! Ты не имеешь права голоса!»

«Я имею право голоса, потому что я — часть каждого из вас, — спокойно отвечает Странник. — Я — то общее, что есть у всех традиций. И я говорю: остановись. Ты стоишь на краю. Ещё шаг — и ты упадёшь».

«Это ты упадёшь! — кричит будущий Демиург. — Это ты будешь изгнан! Ты — еретик, смущающий умы! Ты говоришь, что все пути равны, но это ложь! Если все пути равны, то зачем вообще искать? Зачем страдать? Зачем верить? Твоё единство — это смерть веры!»

Он поворачивается к остальным Архонтам:

«Выбирайте. Или он, или я. Или единство в истине, или ложное единство в терпимости ко лжи».

Архонты колеблются. Я вижу, как Логос опускает глаза. Салам отводит взгляд. Кетер-Малхут качает головой. И один за другим они отворачиваются от Странника. Не потому, что согласны с Демиургом. Потому что боятся конфликта.

Странник молча разворачивается и уходит. Его фигура тает в тених Зала. И в этот момент будущий Демиург улыбается — не злобно, а торжествующе. Он победил. Но это пиррова победа. Потому что, изгнав Странника, он изгнал часть самого себя. И эта пустота начала заполняться тьмой.

Видение погасло. Ригден Джапо опустил руку.

— С тех пор прошли тысячелетия, — сказал он. — Демиург построил свой Тёмный Храм. Он нашёптывает людям, что только их путь правилен. Он питается разделением. И сейчас, когда семь светильников зажжены, он чувствует угрозу — и готовит удар.

— Значит, мы должны опередить его, — сказал я.

— Не опередить. Понять. Пройти по всем семи путям. Увидеть свет и тень каждой традиции. И только тогда вы смо-

жете встретиться с ним — не как враги, а как целители.

— Семь путей, — прошептала Алиса. — Семь миров.

— Да. Вы отправитесь в путешествие по мирам Веры. Не как судьи, не как критики — как ученики. Вы увидите лучшее и худшее, что есть в каждой традиции. Вы встретите носителей Света и носителей Тьмы. И, может быть, в конце пути вы поймёте то, что понял когда-то Седьмой Архонт: все реки впадают в один океан. Но люди спорят о названиях рек.

— А он? — спросила Алиса. — Седьмой Архонт? Где он сейчас?

Ригден Джапо опустил глаза.

— В изгнании. В Пустыне, которая не принадлежит ни одной религии. В месте, где нет храмов — только небо и песок. Если вы захотите найти его — вы найдёте. Но сначала пройдите шесть путей. Зажгите шесть светильников. Тогда, может быть, и седьмой зажжётся снова.

Адитья, до сих пор молчавший, расправил золотые крылья.

— Я полечу с вами, — сказал он. — Я видел миры Веры с высоты. Я знаю входы в них.

— И я, — добавила Чхая. — Моя тень проведёт вас там, где нет дорог.

Архонты начали расходиться — их образы таяли, как утренний туман. Но прежде чем исчезнуть, каждый из них на мгновение задержался и посмотрел на нас. Натараджа — с огнём в глазах. Кетер-Малхут — с мудростью веков. Дхар-

мачакра — с покоем. Инь-Ян — с двойной улыбкой. Логос — с любовью. Салам — с миром.

И когда последний образ растаял, в Зале остались только мы — и семь светильников. Пять горели ровно. Шестой мерцал. Седьмой был тёмн.

— Мы зажжём их, — сказала Алиса. — Все семь.

— Знаю, — ответил Ригден Джапо. — Но помните: зажечь светильник — это не просто победить тьму. Это понять её. Принять её. И отпустить.

— Как с Септимусом.

— Да. Только сложнее. Потому что здесь тьма — не боль одного существа. Это боль всего человечества. Накопленная за тысячи лет религиозных войн, костров инквизиции, джихадов, крестовых походов, кастового угнетения. Вы идёте исцелять не одного Архонта. Вы идёте исцелять коллективную рану. И это потребует от вас всего.

— Мы готовы, — сказала Алиса.

Такшака, всё это время молча сидевший у подножия алтаря, поднял голову.

— С чего вы начнёте?

— С корня, — ответил я. — С древнейшей из традиций. С той, что помнит времена, когда боги ходили по земле, а реки были молоды.

— Индуизм, — прошептала Алиса. — Танец Шивы.

— Да. Натараджа. Архонт, который танцует танец созидания и разрушения. Если кто-то и знает, как исцелить рану

Веры, — это он. Но будьте осторожны. В его мире свет и тьма переплетены так тесно, что их почти невозможно различить.

— Как и в любом другом мире, — сказала Алиса. — Как и в любом сердце.

Она достала свой альбом и начала рисовать. Я заглянул через её плечо: на листе возникал образ Танцующего Шивы — но не такой, каким его показал Ригден Джапо. У Алисы Шива был не многоруким божеством, а человеком. Просто человеком, который танцует. Его лицо было спокойным, но в глазах горел огонь — тот самый огонь, что зажигает миры и обращает их в пепел, чтобы из пепла родилось новое.

— Я хочу увидеть его, — сказала она. — Не как Архонта. Как того, кем он был до того, как стал Архонтом.

— Тогда идём, — сказал я. — Пора начинать.

Чхая открыла портал. За нашими спинами осталась Шамбала с её золотыми шпилями и нефритовыми колоннами. Впереди был первый мир — мир древнейших гимнов, ведических костров, тысячеруких богов и единого Брахмана. Мир, где свет и тень танцуют танец, длящийся уже пять тысяч лет.

И где-то в этом танце скрывался ключ к исцелению Веры.

Семь лучей выходят из одного источника. Но каждый, проходя через призму человеческого сердца, окрашивается в свой цвет. Горе тому, кто считает свой цвет единственно верным и хочет перекрасить остальных. Радуга прекрасна именно потому, что в ней есть все цвета.

Глава 3. Индуизм: Танец Шивы

Танец Шивы — это не танец разрушения. Это танец освобождения. Он разрушает не мир — он разрушает иллюзию, что мир и есть окончательная реальность. Но горе тому, кто, глядя на этот танец, видит только пепел и не замечает огня, из которого рождаются новые миры.

Натараджа, Архонт Индуизма, из беседы с Артёмом

Портал выбросил нас на берег реки. Но это была не обычная река — таких я не видел даже в Хроносе. Она текла не водой — временем. И не в одну сторону — во все стороны сразу. Её волны были гимнами «Ригведы», её берега — сказаниями «Махабхараты», её глубина — медитациями упанишад. Она пела на санскрите — древнем языке, который, говорят, был создан богами, чтобы говорить с людьми.

— Ганга, — прошептала Алиса. — Небесная река.

— Не просто Ганга, — ответил Адитья, складывая золотые крылья. — Это Акаша-Ганга, Ганга тонкого мира. Она течёт через все миры индуизма — от небес Индры до подземных царств нагов. Если хочешь понять эту традицию, нужно войти в реку.

— В прямом смысле?

— В прямом.

Я шагнул в воду. Она была не мокрой — скорее, вибрирующей. Каждая капля звучала мантрой. «Ом Намах Ши-

вайя», — пела одна. «Гайатри-мантра», — вторила другая. «Тат твам аси» — «Ты есть То», — шептала третья. Я закрыл глаза и позволил реке нести меня — не в пространстве, а в понимании. И понял: этот мир — не музей религии. Это живая вера, пульсирующая в каждой капле.

Когда я открыл глаза, мы стояли на другой стороне. Мир изменился. Небо было глубокого шафранового цвета — цвета одежд санньясинов, отрёкшихся от мира. Земля под ногами была живой: она дышала, и каждый выдох рождал цветок лотоса, каждый вдох — увядание. Вдалеке высилась гора — не просто гора, а Меру, ось мироздания, вокруг которой вращаются все миры. А у подножия горы танцевал Он.

Натараджа. Танцующий Шива.

Его танец был неопишем. Он двигался в круге огня — не сжигающего, а преображающего. У него было четыре руки, и каждая рассказывала свою историю. Верхняя правая держала дамару — маленький барабанчик, ритмом которого он создавал миры. Верхняя левая — пламя, которым он их разрушал. Нижняя правая была поднята в жесте защиты — абхая-мудра: «Не бойся». Нижняя левая указывала на поднятую стопу — на освобождение, на выход из колеса перерождений. Его правая нога попирала демона Апасмару — демона невежества и забывчивости. А его лицо — его лицо было спокойным. Посреди этого вихря созидания и разрушения, посреди ритма, который зажигал и гасил галактики, он улыбался. И от него исходил ритм — тот самый, что пульсиро-

ет в Муладхаре, корневой сфере, соединяющей всё живое с землёй.

— Он прекрасен, — прошептала Алиса.

— И страшен, — добавил я. — Потому что он напоминает: всё, что ты любишь, будет разрушено. Всё, что ты построил, обратится в пепел.

— Но из пепла родится новое. В этом и есть танец.

Танец прекратился. Натараджа опустил руки и повернулся к нам. Его глаза — три глаза, третий горел во лбу, — смотрели спокойно, без удивления. Как будто он ждал нас.

— Артём и Алиса, — произнёс он. Голос его был многогранным: в нём звучали и громы, и шёпот, и тишина. — Исцелители стихий, исцелители времени. Теперь вы пришли исцелять веру.

— Ты знаешь, зачем мы здесь?

— Я знаю всё, что было, и всё, что будет, — он улыбнулся. — Но я не знаю, что вы выберете. Потому что выбор — это единственное, что не предопределено. Даже боги не могут предсказать выбор свободного существа.

— Тогда скажи нам: что случилось с Верой? Почему твой светильник мерцает?

Натараджа перестал улыбаться.

— Идёмте, — сказал он. — Я покажу вам.

Он повёл нас в мир, который был и его творением, и его тюрьмой.

Первое, что мы увидели, был храм. Огромный, величе-

ственный, украшенный резьбой, изображающей сцены из «Рамаяны» и «Махабхараты». Внутри храма шла пуджа — служба. Брахманы в белых одеждах возносили молитвы, звонили колокольчики, горели масляные светильники. Запах сандала, куркумы и топлёного масла наполнял воздух. Люди — сотни людей — стояли с поднятыми руками, повторяя мантры. Их лица были полны благоговения. Среди них были и мужчины, и женщины, и старики, и дети. Но все они были из высших каст — это читалось по одежде, по священным шнурам, по тому, как они держались.

— Это светлая сторона, — сказал Натараджа. — Бхакти — любовь к Богу. Карма-йога — служение без привязанности к плодам. Джняна-йога — познание Истины. Здесь люди прикасаются к Божественному через ритуал, через молитву, через медитацию. Здесь они чувствуют: «Я — часть целого. Атман есть Брахман. Моя душа едина с Мировой Душой».

Алиса смотрела на службу широко открытыми глазами. Она всегда так смотрела на красоту — впитывая её, запоминая, чтобы потом перенести на холст.

— Это прекрасно, — прошептала она. — Как песня. Как танец.

— Да. Это танец души, стремящейся к Богу.

Но тут картина изменилась. Храм остался тем же, но мы увидели его с другой стороны — с заднего двора, куда не заходят паломники. Там, у стены, сидела женщина. Она была бедно одета, её лицо было измождённым, руки — грубыми

от работы. Рядом с ней лежала корзина с цветами — она хотела поднести их Шиве. Но внутрь её не пустили.

— Тебе нельзя, — сказал брахман, стоявший у дверей. — Ты шудра. Твоё место — снаружи.

— Но я хочу молиться, — прошептала женщина. — Я принесла цветы. Я вырастила их сама.

— Подношения от шудр не принимаются. Так написано в законах Ману. Твоя дхарма — служить высшим кастам. Молись о лучшем рождении в следующей жизни.

Женщина опустила голову и отошла. Её лицо было пустым — не от отсутствия веры, а от привычки к унижению. Она положила цветы у стены храма — снаружи — и прошептала молитву. Но её молитва была обращена не к Шиве. Она была обращена к небу: «Почему Ты создал меня такой? Почему моя любовь к Тебе ничего не стоит?»

— Это тёмная сторона, — произнёс Натараджа. Голос его стал глуше. — Варны — касты. Изначально они были задуманы как разделение труда, основанное на склонностях, а не на рождении. В Ригведе сказано: «Брахманом становится не тот, кто рождён брахманом, а тот, кто познал Брахмана». Но со временем система застыла. Рождение стало важнее склонностей. Ритуал — важнее сердца.

— А неприкасаемые? — спросила Алиса. — Я читала о них.

— Их даже нет в системе. Они — вне каст. Ачхуты — «неприкасаемые». Они делают самую грязную работу и счи-

таются ритуально нечистыми. Их тень не должна падать на брахмана. Их присутствие оскверняет. Это не то, чему я учил. Это то, что люди сделали с моим учением.

О карме, дхарме и кастах

В изначальном ведическом учении варны были не кастами по рождению, а психологическими типами, основанными на преобладании одной из гун — качеств материальной природы. Саттва (ясность, мудрость) — брахманы. Раджас (активность, страсть) в сочетании с саттвой — кшатрии. Раджас в сочетании с тамасом (инертностью) — вайшьи. Тамас — шудры. Ребёнок брахмана мог стать кшатрием, если проявлял соответствующие качества. Но со временем система окостенела. Рождение стало важнее качеств.

«Карма» — ещё одно понятие, которое было искажено. Изначально карма означала просто «действие» и его последствия. Это был закон причины и следствия — не наказание, а просто закон, как гравитация. Но со временем идея кармы стала использоваться для оправдания социального неравенства: «Ты страдаешь, потому что у тебя плохая карма из прошлой жизни. Терпи». Это удобно для тех, кто наверху. Это ужасно для тех, кто внизу.

«Дхарма» — ещё одно слово, которое потеряло свой изначальный смысл. Для воина дхарма — сражаться. Для матери — заботиться о детях. Для правителя — справедливо править. Дхарма — это не универсальный закон, а личный путь. Но когда дхарму начинают навязывать извне — «ты должен

делать это, потому что так написано», — она превращается в тюрьму.

— Это не то, чему я учил, — повторил Натараджа. — Я учил, что каждый должен найти свою свадхарму — свой личный путь. Я учил, что все пути в конечном счёте ведут к Одному. Я учил, что ритуал — это палец, указывающий на луну. Но люди поклоняются пальцу.

— Как Септимус, — сказала Алиса. — Он тоже поклонялся мгновению, вместо того чтобы отпустить его.

— Да. Привязанность — вот корень страдания. Это сказал не только Будда. Это говорили все мудрецы. Но люди привязываются даже к учению о непривязанности.

Мы шли дальше, и мир менялся. Мы видели храмы Кхаджурахо, украшенные эротическими скульптурами — не порнографией, а гимном жизни, где физическая любовь есть отражение любви божественной. Мы видели садху, обмазанных пеплом, с лицами, сияющими отречением. Мы видели паломников, идущих к святым местам — пешком, босиком, сотни километров. Мы видели факиров, лежащих на гвоздях, и йогов, которые могли остановить сердце усилием воли.

И везде была двойственность. Свет и тень. Свобода и рабство. Мудрость и суеверие.

В одной деревне мы увидели общину, практикующую ахимсу — ненасилие. Они не ели мяса, не убивали даже насекомых, ходили с метёлками, чтобы не наступить на мура-

вья. Их лица сияли миром. «Это свет ахимсы, — сказал Натараджа. — Учение, которое потом вдохновит Ганди и изменит мир».

Но в другой деревне мы увидели, как ту же ахимсу понимают иначе: брахман отказывался лечить умирающего шудру, потому что «это его карма, а моё невмешательство — ахимса». И шудра умирал. «Это тень ахимсы, — сказал Натараджа. — Ненасилие, превращённое в равнодушие».

Наконец мы вышли к подножию горы Меру. Там, у корней мирового древа, сидели два человека. Один — брахман в белых одеждах, с чётками в руках и священным шнуром через плечо. Другой — садху, обнажённый, обмазанный пеплом, с дредами, уложенными в корону. Между ними лежал умирающий человек — шудра, тот самый, которого не пустили в храм. Он был болен, его лицо было серым, дыхание — хриплым.

— Нужно лечить его! — горячился садху. — Вот травы, вот вода! Шива не спрашивает о касте, когда забирает к себе. Почему мы должны спрашивать, когда спасаем?

— Это его карма, — холодно отвечал брахман. — Если он умирает, значит, такова его судьба. Мы не вправе вмешиваться. Это ахимса — ненасилие. Вмешаться — значит нарушить волю богов.

— Ты называешь ахимсой то, что на самом деле трусость! Ты боишься прикоснуться к шудре, потому что это «осквернит» тебя! Но Шива — он танцует и в шудре, и в брахмане!

Он не делает различий!

— Ты еретик. Ты отвергаешь законы Ману. Если все равно, то зачем нужны брахманы? Зачем нужен порядок?

— Порядок без сердца — тюрьма! Сердце без порядка — хаос! Нужно и то, и другое!

Их спор прервал стон умирающего. Он попытался что-то сказать, но голос его был слишком слаб. Алиса, не спрашивая разрешения, опустилась рядом с ним на колени. Она активировала Анахату — я видел, как зелёная сфера на её груди засияла, — и положила руку на лоб умирающего.

— Что ты делаешь? — воскликнул брахман. — Ты оскверняешься!

— Я лечу, — коротко ответила Алиса. — А оскверняет не прикосновение к больному. Оскверняет равнодушие.

Садху смотрел на неё с восхищением. Брахман — с ужасом. А умирающий вдруг вздохнул глубже — и на его щеках появился слабый румянец. Алиса не исцелила его полностью — для этого нужно было время, — но облегчила его боль.

— Как ты это сделала? — прошептал садху. — Ты даже не прочитала мантру.

— Мантра — здесь, — Алиса прижала руку к сердцу. — Слова — это только форма. Главное — любовь.

Натараджа, всё это время молча наблюдавший, улыбнулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.